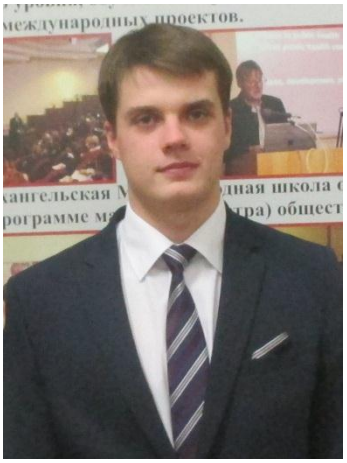
М.П. Соболев

Проректор по международным, межрегиональным отношениям и связям с общественностью ЧОУ ВО Институт управления, почётный работник высшего профессионального образования РФ, действительный член Русского географического общества



Р.С. Ерёменко

Студент НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» г.Москва, помощник заместителя председателя Архангельского областного собрания депутатов, председателя комитета по науке и высшей школе И.А. Чеснокова, юрисконсульт ООО «Транс-НАО» шиппинг компани», действительный член Русского географического общества.

«Память возвращается, как птица…»

(Посвящается 25-летию Рубцовского праздника на Емецкой земле и 880-летию с. Емецк – малой родины Николая Рубцова, 2017 г.)

Авторы статьи размышляют о месте поэзии Николая Рубцова в русской литературе, исследуют некоторые темы творчества поэта: судьба России и её будущее, неразрывная связь человека с родной землёй, выбор Пути, где совершается спасение души.

Ключевые слова: поэтический подвиг, вечный вопрос, сильнейшая тревога, деревня – мать и родина души России, свой путь – спасение души, особое видение мира.

Судьба поэзии Николая Рубцова (1936-1971) поражает воображение. При жизни гения русской поэзии ценил узкий круг профессиональных литераторов. Поэзия Николая Михайловича обрела всенародное признание с середины 70-х годов. Стремительный рост славы поэта произошёл совершенно стихийно, то есть без участия властных структур и средств массовой информации. Словно движимый не зависящей от людей природной силой. Поэтому слава Николая Рубцова до сих пор сохраняет редкостный характер задушевности и целомудрия: она проникла в сокровенную глубь нашей духовной жизни. «И если всерьёз разобраться в существе дела, рост славы Николая Рубцова обусловлен прежде всего духовным ростом миллионов читателей – то есть в конечном счёте целого народа.

Поэзия Николая Рубцова, законного наследника классических традиций и вместе с тем нашего современника, предстаёт как доступный всем и каждому путь к отечественной поэзии в её полном объёме»[1, с.1].

Известный исследователь Л.А. Аннинский утверждает: «Всенародная слава, начало которой успел почувствовать при жизни Николай Рубцов, отодвинула сегодня в сознании читателей пережитую им драму. Сегодня в горнице его светло» [2, с.10]. «После гибели (нелепой и случайной) слава Рубцова не только стала расти, она стала

светлеть: к ней уже не пристаёт болотная грязь колхозных колёс. Только грусть – не проходит» [2, с.10].

«При жизни о нём круто спорили. Он делал вид, что эти споры его не интересуют. Иные скандалы, возможно, провоцировал сам, когда отслужив на флоте срочную, поступил в Литературный институт и предался обычной студенческой гульбе» [2, с. 10].

«Его называли поэтом «долгожданным» (Глеб Горбовский), почитали главой органической поэзии, противостоящей творчеству «книжному», видели в нём стихийного выразителя языка и духа. Конечно, все эти определения – в той или иной мере метафоры, художественные формулировки, не претендующие на историческую точность». «Хорошо помню, как после невероятного стадионного успеха Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко и наступившего вдруг затишья ждали нового Пушкина – и появился Рубцов. Он не сыграл вполне эту роль. Но для многих стал тем, кто заполнил стихами душевный вакуум «вдали от шума городского». Что же до противопоставления органического «книжному» – те, кто это делал, едва ли были столь наивными, чтобы думать, будто Рубцов запел, как птичка Божия. Просто его спешили определить в ряд самых великих, привычно ранжируя при этом знаменитых предшественников. Пушкин – первый, а кто второй? Есенин, Блок?» [3, с.36]. «Думаю, Николай Рубцов всё-таки занял своё место – в сердцах читателей. Что же касается литературного ранжира, то, наверное, некоторые предрассудки не вполне преодолены. Здесь столкнулись два вектора: один на повышение – «современный Пушкин», второй – наоборот – «эпигон Есенина». Крайности взаимно уничтожаются, а истинное достоинство поэта остаётся» [3, с.36].

Игорь Немчинов безапелляционно утверждает: «Да, его высоко ценили некоторые известные и более удачливые (в бытовом плане) братья по ремеслу, литературные критики, у него имелся свой круг верных читателей-почитателей. Но этого, конечно же, было мало. Как всякий крупный поэт, он знал себе настоящую цену…» [4, с.35]. «Однако положенного ему места в классической русской литературе Николай Рубцов не занял до сих пор. И такую несправедливость не мешало бы исправить» [4, с.35].

«Он (Е.А. Евтушенко. – **Прим.авт.**) был до перестройки самым издаваемым поэтом (потом его по тиражам обошёл Николай Рубцов, а сегодня – и Иосиф Бродский), собирал стадионы, был всесоюзно известен». «Когда мои вологодские друзья – покойные уже поэты Александр Романов и Виктор Коротаев – решили в начале 80-х проводить праздник поэзии убитого Николая Рубцова, Евтушенко, бывший тогда нарасхват, не вылезавший из загранкомандировок, помчался в Тотьму и село Николу, отметиться в глубинке, застолбить участие в первом празднике и, думаю, попытаться понять, в чём же магия и неотразимое воздействие лирики Рубцова?» [5, с.4].

Маститый поэт, эссеист, публицист, критик и искусствовед Ю.М. Кублановский в канун своего 70-летия в интервью «Литературной газете» не просто оценил, а неповторимо восхитился талантом Николая Рубцова: «Настоящие шедевры тут создаются нечасто: например, отдельные стихи Есенина, Рубцова. Они прекрасны, и прекрасны не столько потому, что они патриотичны, но потому, что они высоко талантливы.

«– Где тут погост? Вы не видели? / Сам я найти не могу. / Тихо ответили жители: / – Это на том берегу».

Строфа Николая Рубцова – на века. Казалось бы, ну что тут патриотичного? А ведь здесь вся наша родина» [6, с.7]. Алтайский поэт Валерий Тихонов очень точно сказал: «Тем сохраняемся, что дышим наизусть / Стихами Пушкина, Есенина, Рубцова» [7, с.10].

Все мнения (Вадима Кожинова, Льва Аннинского, Игоря Шайтанова, Игоря Немчинова, Александра Боброва, Юрия Кублановского и Анастасии Ермаковой) о признании поэта при жизни и его славе после гибели одинаково интересны и равнозначны.

В самом зените своего пути Николай Рубцов сотворил неопровержимые строки: «Перед всем старинным / Белым светом / Я клянусь, / Душа моя чиста…»

В изумляющем стихотворении «До конца» он ответил на вечный вопрос: как жить? И это было одним из неотъемлемых условий его поэтического подвига.

Вещие строки Николая Рубцова, ушедшего из жизни в ночь на 19 января 1971 года в первые часы Крещения Господня, стали хрестоматийными. Автор «заглянул» в самый жуткий миг собственного будущего:

«Я умру в крещенские морозы, / Я умру, когда трещат берёзы…»

«Точно неизвестно, когда в конце шестидесятых было написано стихотворение «Я умру в крещенские морозы».

Как вспоминала Валентина Алексеевна Рубцова, Рубцов говорил о своей смерти в крещенские морозы ещё в 1965 году, приехав к брату Альберту в Невскую Дубровку» [8, с.163].

Невероятно точное, связанное с мрачным финалом предсказание, пожалуй, единственное таинственное в биографии Николая Рубцова. И даже страшная развязка жизненной драмы не считается для многих удивительной. Разве дожили до седин и умерли естественной смертью крупные русские поэты Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гумилёв, Есенин, Маяковский…? Кажется, провидение категорически против долголетия людей такого таланта. К теме преждевременного ухода из жизни духовных собратьев по перу Николай Рубцов возвращался не раз, особо выделяя Сергея Есенина: «Да, недолго глядел он на Русь / Голубыми глазами поэта. / Но была ли кабацкая грусть? / Грусть, конечно, была…Да не эта! / Это муза не прошлого дня. / С ней люблю, негодую и плачу. / Много значит она для меня, / Если сам я хоть что-нибудь значу».

Но самая сильнейшая тревога у него была за будущее Родины: «Они несут на флагах чёрный крест, / Они крестами небо закрестили, / И не леса мне видятся окрест, /А лес крестов в окрестностях России…» Так же страстно переживала за судьбу России Юлия Друнина: «Только вдумайся, вслушайся / В имя Россия! / В нём и росы, и синь, / И сиянье, и сила. / Я бы только одно / у судьбы попросила – / Чтобы снова враги / Не пошли на Россию!».

Россия в его странствии не «место действия», а загадка судьбы. «Рубцов весь соткан из «русскости», – такие, как он, носят родину на подошвах сапог» [9, с.92]. «Эх, Русь, Россия! Что звону мало? / Что загрустила? Что задремала»? / «Только знаю: потянет на Русь! / Так потянет, что я поневоле разрыдаюсь, / когда опущусь на своё вологодское поле…»

Ожидание неизбежной беды – и готовность принять её с улыбкой – это у Рубцова неразличимо! Он жил в своём мире, на границе ночи и ветра. Нерасторжимость света и тьмы – всё это названо, описано и раскрыто в космическом и глубоко философском, провидческом стихотворении «Поезд»: «Поезд мчался / с грохотом и воем, / Поезд мчался / С лязганьем и свистом, / И ему навстречу жёлтым роем / Понеслись огни / В просторе мглистом. / Поезд мчится с прежним напряжением / где-то в самых дебрях мирозданья, перед / самым, может быть, крушеньем я кричу кому-то: «До свиданья!...»

Такое же прекрасное и одинокое, редкое по силе стихотворение «Неизвестный». «Бежал бродяга с Сахалина» – сюжет традиционный, но какова настигающая судьба определённого человека, его ледяное одиночество в мире: «Он шёл против снега во мраке, / Бездомный, голодный, больной. / Он после стучался в бараки / В какой-то деревне лесной».

Вечные вопросы: кому на Руси жить хорошо; с чего начинается Родина; что является национальной идеей страны и как нам обустроить Россию – обсуждают всегда все и везде, но никогда никто и нигде не вопрошал: а что является матерью России? Ответ мы нашли у Николая Рубцова в стихотворении «Острова свои обогреваем…»: «Не кричи так жалобно, кукушка, / Над водой, над стужею дорог! / **Мать России целой – деревушка,** / Может быть, вот этот уголок…»

Деревня и мать России, и родина души, души России!

При обращении поэта к этим истокам всегда ощущается потрясающий необыкновенный подъём и смелый взгляд в прошлое, особенно в его песнях («Песня», «Зимняя песня», «Осенняя песня», «Прощальная песня»): «В этой деревне огни не погашены. / Ты мне тоску не пророчь! / Светлыми звёздами нежно украшена / Тихая

зимняя ночь»; «Я уеду из этой деревни… / Будет льдом покрываться река, / Будут ночью поскрипывать двери, / Будет грязь на дворе глубока»; «Одна у нас в деревне мглистой / Соседка древняя жива, / И на лице её землистом / Растёт какая – то трава…»; «Когда, смеясь на дворике глухом, / Встречают солнце взрослые и дети, – / Воспрянув духом, выбегу на холм / И всё увижу в самом лучшем свете».

Поразительно, как Рубцов блистательно соединил простое с высоким, бытовое-земное с небесным.

Николай Рубцов был человеком с обострённым чувством Пути. Сам по себе путь (даже нестерпимо трудный) не представляет нравственной ценности. Уважаем и почитаем только истинный Путь. Не во внешнем благополучии, а в осознании единственности избранного Пути, невозможности другого видел счастье Поэт: «… Я знаю наперёд, / Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает, / Кто всё пройдёт, когда душа ведёт, / И выше счастья в жизни не бывает!».

Гениальный поэт не свободен в выборе своего Пути. Ни о чём так много не писал Николай Рубцов, как о дороге, о Пути, где совершается спасение души. И именно в умении ощущать одновременность прошлого, настоящего и будущего заключается секрет удивительной прозорливости Николая Михайловича. Рубцов всегда завершает свою работу, он доводит свои стихи до того уровня высшей художественности, когда они становятся самостоятельными явлениями духовного мира. «И тогда-то и возникает то самое говорение из души в душу, когда стихотворение независимо от того, понимаем ли мы весь пройденный в этом стихотворении его автором путь, начинает звучать в нас» [8, с.167]. Он искал подлинный Путь в обретении им единства с миром, не выбирая своей судьбы, но предугадывая её. Рубцов не мог изменить судьбы, но всегда предощущал, когда она являлась ему. И тогда он уже не сворачивал с выбранного Пути. Из всего многоголосия властно звучит тема души и вечности: «Взойдёт любовь на вечный срок, / Душа не станет сиротлива. / Неувядаемый цветок! / Неувядаемая нива!».

«Медалью» Пути поэта является свобода и воля, в том числе отчётливо слышится «кабацкий», разгульно-пьяный мотив: «Быть может, я для вас в гробу мерцаю, / но должен я сказать в конце концов: / я – Николай Михайлович Рубцов – / возможность трезвой жизни отрицаю…»

Все спорили, втягивая его то влево, то вправо, но Рубцова не интересовали никакие программы. Он беседовал только с берёзами: «Русь моя, люблю твои берёзы! / С первых лет я с ними жил и рос. / Потому и набегают слёзы / На глаза, отвыкшие от слёз…»

Особое видение мира заключено в высших созданиях Рубцова – ослепительных классических шедеврах: «Тихая моя Родина», «Русский огонёк», «В горнице», «Родная деревня», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны…», «Памяти матери», «Добрый Филя», «Окошко. Стол. Половики…», «Звезда полей», «Видения на холме»…

А чудные, сделанные из вечности, художественно оригинальные строки: «сиротский смысл семейных фотографий», «ветер всхлипывал, словно дитя», «мать придёт и уснёт без улыбки», «стоит берёза, старая как Русь»!

О нерасторжимости бесприютного русского поэта с родной землёй, о чутком равновесии внешнего и внутреннего миров, об острой грани между холодной тьмой и холодным светом, о тревожной беззащитности русского бытия, о материнской могиле, затерявшейся где-то среди ив и соловьёв, о грусти, неотделимой от любви – обо всём Николай Рубцов написал с неповторимой молитвенной интонацией: «Не порвать мне мучительной связи / С долгой осенью нашей земли, / С деревцом у сырой коновязи / С журавлями в холодной дали…»; «Тихая моя родина! Ивы, река, соловьи… / Мать моя здесь похоронена / В детские годы мои. / – Где же погост? Вы не видели? / Сам я найти не могу. – / Тихо ответили жители: / – Это на том берегу…»; «В горнице моей светло. / Это от ночной звезды. / Матушка возьмёт ведро. / Молча принесёт воды…»

В неведомом тысячелетии будет звучать одна из прощальных песен поэта: «И откуда берётся такое, / Что на ветках мерцает

роса, / И над родиной, полной покоя, / Так светлы по ночам небеса!».

И он навсегда останется с народом, которого не только чтил, но поклонялся ему, как иконе, любовался им: «Я уплыву на пароходе, / Потом поеду на подводе, / Потом ещё на чём - то вроде, / Потом верхом, потом пешком / Пройду по волоку с мешком – / И буду жить в своём народе!»; «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь». По словам А.С. Пушкина, творчество заключается в том, чтобы быть «эхом русского народа». Николай Рубцов, считая себя неотделимой частью народа, о бессмертии которого неистово заботился, отражал его состояние.

Евангелист Иоанн обронил нетленные слова: «Человек может делать только то, что ему поручено небом». Наверное, в полной мере столь смелое утверждение можно отнести к Николаю Рубцову, его творчеству.

«Я много размышлял о Рубцове и, не зная подробностей жизни, почти разгадал его связи с Землёй и Небом, почуял благоволение Бога к поэту, и книга Сергея Багрова «Россия, Родина, Рубцов», лишь укрепила меня в предположениях» [10, с.5]. Горькие строки Рубцова из «Прощального»: «Я слышу печальные звуки, / Которых не слышит никто…» мы воспринимаем, как звуки предвестия и предупреждения...

И хотим завершить своё исследование схожими несравненными любимыми строками гениальных неразрывных поэтов Сергея Есенина и Николая Рубцова: «Но более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла!»; «Но моя родимая землица / Надо мной удерживает власть. / Память возвращается, как птица / В то гнездо, в котором родилась».

Библиографический список:

1. Кожинов, В. «И буду жить в своём народе / В. Кожинов // Литературная газета. – 2016.– №1-2(6538). – С.1.
2. Аннинский, Л. Николай Рубцов: Я умру в крещенские морозы / Л. Аннинский // Российская газета. – 2016. – №8(6876). – С.10.
3. Шайтанов, И. Точка зрения / И. Шайтанов // Свой. – 2016. – №1. – С.36.
4. Немчинов, И. «Если только буду знаменит, то поеду в Ялту отдыхать» / И. Немчинов // Свой. – 2016. – №1. – С.35.
5. Бобров, А. Евгений Евтушенко – эхо эпохи / А. Бобров // Советская Россия. – 2017. – №34(14421). – С.4.
6. Галкина, В. Интернет убивает чтение / В. Галкина // Литературная газета. – 2017. №16(6595). – С.7.
7. Ермакова, А. Писать о Родине не скучно никогда / А. Ермакова // Литературная газета. – 2017. №19(6597). – С.10.
8. Коняев, Н. Николай Рубцов / Н. Коняев// ЖЗЛ «Николай Рубцов»: – 2015. – Москва: Молодая гвардия. – С.163, 167.
9. Аннинский, Л. Такие, как он, носят родину на подошвах сапог… / Л. Аннинский // Родина. – 2016. – №1. – С.92.
10. Личутин, В. «В деревне оскудела душа» – слова Рубцова / В. Личутин // Двина. – 2016. – №1(61). С.5.
11. Сазонов, Г. У истока Поэта / Г. Сазонов // Общеписательская литературная газета. – 2016. №1(74). – С.1,5.
12. Смирнов, В. И буду жить в своём народе / В. Смирнов // Литературная газета. – 2016. №1-2(6538). – С.7.

©Соболев М.П., Еременко Р.С., 2017